

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО РАССМОТРЕНИЯ ЭВФЕМИЗМА

С.И. Романов

*Ассистент кафедры документоведения и стилистики русского языка
e-mail: romanoff71@yandex.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье предпринята попытка аналитического освещения знаний об эвфемизмах. Определено, что в русистике сложился широкий (при котором к эвфемии относятся по сути любые замены) и узкий (при котором эвфемизмом считается только единица, заменяющая нежелательную номинацию) подход определения эвфемизмов. Эвфемизмы неоднородны по своей структуре, семантике, способам образования, функциям, отношению к норме, корреляции с семантической мишенью. Предложены облигаторный (замена нежелательного по каким-либо причинам наименования) и необлигаторные (интенция улучшения, наличие в значении положительных оценочных и эмотивных сем, снижение интенсивности, изменение стилового регистра) признаки эвфемизмов. На основании интенциональной специфики эвфемизмов и проявления признаков установлены следующие разновидности данных единиц: собственно эвфемизмы, эвфемизмы-аллюзии, юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-обереги. Обосновано, что для описания массива эвфемизмов целесообразно использовать полевой принцип. Доказано, что эвфемизм можно рассматривать как коммуникативно-прагматический акт и как средство его осуществления. Для каждого выделенного вида эвфемизма разработаны свои прагматические сценарии.

Ключевые слова: *семантика, прагматика, категоризация, эвфемизм, норма.*

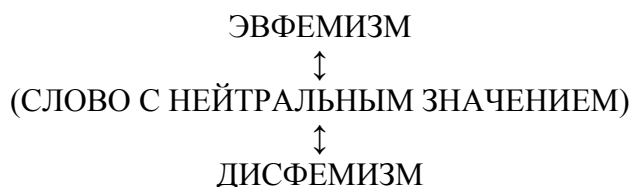
Лексика системна, что находит своё выражение в регулярном повторении конфигураций семантических отношений, сем в составе семем. Системность лексики отражается в отношениях манифестации, выраженных в конвенциональных связях плана содержания с планом выражения единиц, в парадигматических оппозициях и синтагмах. Эвфемизм относится к проявлениям лексической парадигматики: с одной стороны, он входит в синонимический ряд, с другой – образует эвфемическую парадигму. Семантические связи эвфемизмов с другими словами могут быть охарактеризованы как синонимические и антонимические. Синоним и эвфемизм имеют тождественный денотат, но отличаются прежде всего прагматическим блоком в значении: оценочностью, эмотивностью, интенсивностью, коннотативностью, стиловой маркированностью. По семному наполнению данного блока эвфемизм может вступать в оппозитивные отношения с коррелируемым синонимом. Такой синоним называется дисфемизмом, то есть словом с огрублённым значением. При этом звено с нейтральным значением может отсутствовать. По наблюдениям М.Л. Ковшовой, у большинства

эвфемизмов отсутствует «семантически и стилистически нейтральный синоним» [Ковшова 2007: 4].

Схематично это можно выразить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1

Парадигматические связи эвфемизма

Проиллюстрируем данное положение: *пятая точка* – *ягодицы* – *ж..на* // *донжуан* – *бабник*.

Е.П. Сеничкина, по аналогии с синонимическим рядом, вводит понятие эвфемической цепочки, в которую включены единицы, связанные синонимическими отношениями и отличающиеся степенью интенсификации значения. Ср.: *хаос*, *беспорядок*, *лирический беспорядок*. Исследователь указывает: «В процессе функционирования языкового эвфемизма возможны две степени эвфемизации: средняя и минимальная...» [Сеничкина 2008: 17]. В эвфемические цепочки Е.П. Сеничкина не включает дезэвфемизмы, «то есть языковые единицы, утратившие эвфемистическую функцию и ставшие по своей сути синонимами» [Сеничкина 2008: 20]. Например, *лифчик* / *бюстгальтер*. Е.П. Сеничкина отмечает: «Степень эвфемизации зависит от трех факторов: 1) уровня запрета на произнесение языковой единицы, 2) морфемного состава эвфемизма, 3) наличия функции иронии» [Сеничкина 2008: 17]. Обращает на себя внимание разнородность выделенных факторов. Мы полагаем, что ключевым критерием при определении степени эвфемизации значения является коммуникативная культурная традиция.

Способы формирования эвфемизмов многообразны. Они рассмотрены во многих работах по данной проблеме, в частности, в труде Ю.В. Доронкиной и М.В. Моисеева [Доронкина, Моисеев 2017]. Полагаем, что имеющиеся классификации нуждаются в обобщении, выделении интегральных оснований. Изложим своё видение путей образования эвфемизмов в русском языке. Мы выделяем следующие способы.

Лексические способы: они связаны с опорой на номинативные единицы, заменяющие нежелательные наименования. Данные способы разнообразны, они затрагивают механизмы прямой номинации (употребление гиперонимов (*болезнь*, *конфликт*), аббревиатур (*б/у*), аффиксальные способы, в частности образование деминутивов: *врун* –

врунишка, глупый – глуповатый; составных номинаций (*копулятивное общение – ‘о половом акте’, терминов лейкоemia*).

Семантические способы: они основаны на преобразовании значения имеющихся в языке единиц и представлены метафоризацией (*кувыркаться – ‘иметь половые отношения’*), метонимизацией (*коричневый – ‘фашист’*), употреблением фразеологизмов (*костей не соберёшь*), антифразисом (*герой – ‘трус’; красавец – ‘урод’*), аллюзиями (*круги под глазами – ‘намёк на ночь, посвящённую половым отношениям’; петь Алябьева – ‘обманывать, заливать соловьём’, намёк на романс А.А. Алябьева «Соловей»*), прономинатии, то есть образование единицы на базе имени собственного (*донжуан*).

Заимствования: *конфронтация, корпуленция* и др.

Стилистические способы, основанные на языковой игре: каламбуры (*вигвам – фиг вам*); обыгрывание аббревиатур (*ВМ – высшая мера – Вера Михайловна; ГБ – государственная безопасность – Галина Борисовна*); использование купюр (*на букву г, на букву б, на букву ж, послать на три буквы*). Возможно опущение середины слова (синкопа), конца слова (апокопа), перестановка слогов (например, *пажо*).

В русистике сложились два подхода в понимании эвфемизма: широкий, при котором в состав эвфемии включаются все синонимические средства, выполняющие функцию замены наименования, причём не всегда смягчающего, и узкий, при котором к эвфемизмам относят единицы, заменяющие неприличные номинации. В.П. Москвин в этой связи отмечает: «...Безраздельно доминирует широкое понимание эвфемии, отнюдь не способствующее адекватному её осмыслению и описанию...» [Москвин 2017: 256]. Мы полагаем, что широкий подход к явлению обеспечивает его полное изучение. Е.П. Сеничкина указывает: «Расхождения в понимании эвфемизмов приводят к тому, что целый пласт заменных наименований русского языка остаётся нигде не учтённым как в теоретическом, так и в практическом плане» [Сеничкина 2008: 7]. Исследователи эвфемии не всегда придерживаются заявленного понимания изучаемого объекта. Так, Е.П. Сеничкина отмечает: «Эвфемизмы в широком понимании – это слова или сочетания, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Сеничкина 2008: 9], однако материалы составленного ею словаря демонстрируют противоположное понимание эвфемизма: не все приведённые номинации коррелируют с невежливыми, нежелательными, резкими наименованиями. Так, в словарь включены единицы, которые, на наш взгляд, являются перифразами. Ср.: *дом на Лубянке / Комитет государственной безопасности СССР*. Перифразы, как правило, дают иную интерпретацию денотата, не меняя её прагматической тональности.

П.А. Рустамова указывает: «Эвфемизацию в зависимости от её продукта можно оценивать по-разному» [Рустамова 2017: 99]. Эту мысль лингвиста подтверждают выделяемые учеными разновидности эвфемизмов. Среди эвфемизмов Е.П. Сеничкина рассматривает факультативные эвфемизмы [Сеничкина 2008: 10] – «это те эвфемизмы, замена на которые необязательна»: *хромой, глухой, лысый* и др. Не являются эвфемизмами в строгом смысле, по мнению Е.П. Сеничкиной, местоимения (как правило неопределённые, указательные), поскольку они не улучшают денотат, а вступают своего рода купюрами: *то самое* (о половом контакте), *это место* (о причинном месте), *определённые отношения* (о физической близости) и др. Такие эвфемизмы филолог называет функциональными [Сеничкина 2008: 14].

Ещё одна группа эвфемизмов названа Е.П. Сеничкиной эвфемизмами по происхождению [Сеничкина 2008: 13]. Это единицы, которые задумывались как благозвучные наименования, но не выполняющие данной функции: *жигули – лада* (единица должна была исключить негативные коннотации, основанные на созвучии со словом *жиголо*).

В.П. Москвин выделяет псевдоэвфемизмы: «...слишком открытые и слишком прозрачные для того, чтобы считаться приличными и, соответственно, литературными» слова [Москвин 2017: 55]. Например, *где? – в Караганде. Полный тупец*.

По мнению ряда учёных, в строгом смысле к эвфемизмам нельзя отнести номинации, построенные на аллюзиях, например, *дочь Евы / любопытная женщина* – поскольку они не всегда способствуют смягчению, улучшению или редукции интерпретации денотата.

Таким образом, к эвфемии и смежным с ней явлениям относят большое количество разнообразных лексических и фразеологических единиц.

На наш взгляд, для определения критериев, дифференцирующих эвфемизмы от смежных явлений, необходимо определить облигаторные и факультативные признаки рассматриваемого феномена. В русистике были предприняты неоднократные попытки решения данной задачи [Сеничкина 2008; Ковшова 2007 и др.] Проанализируем предложенный набор признаков.

Первый признак формулируется как соотношение «с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией» [Сеничкина 2008: 6]. Указанное утверждение нуждается в уточнении. Во-первых, коннотациями, или оценочностью, может обладать значение, но не явление. Во-вторых, важен вопрос определения «негативного денотата». В.П. Москвин полагает, что «...подразделение денотатов на «положительные» и «отрицательные» представляется слишком категоричным» [Москвин 2017: 23]. М.Л. Ковшова отмечает: «...у большинства эвфемизмов денотат негативным не является;

негативным может быть признано его излишне прямолинейное описание, которое и вызывает у собеседника негативное впечатление от сказанного» [Ковшова 2007: 20]. Соглашаясь с М.Л. Ковшовой, мы бы хотели добавить, что явления сами по себе нейтральными, положительными или отрицательными их делает языковая рефлексия, объективация их понимания в языковой картине мира в соответствии с культурными нормами и запретами. На этот аспект обращают внимание И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова: «...важнейшим признаком эвфемии является обозначение эвфемизмом отрицательного в сознании носителя языка денотата» [Солодилова, Соколова 2017: 75]. На основании выше изложенных рассуждений мы делаем выводы о том, что данный признак должен быть сформулирован как корреляция эвфемизма с вербальной ситуацией, которая получает общественное порицание, неодобрение, беспокойство. Данный признак является конститутивным для рассматриваемой лексической группы, поскольку сущность эвфемизма заключается в смягчении негативной интерпретации денотата.

Второй признак квалифицируется Е.П. Сеничкиной как «семантическая неопределенность эвфемизма, позволяющая уменьшить, «смягчить» негативную оценку денотата» [Сеничкина 2008: 6]. Исследователь следующим образом поясняет данный признак. «Эвфемизм по сравнению с заменяемым словом обладает семантической редукцией. В эвфемизме, по сравнению с прямой номинацией, сокращена доля информации, сокращено число дифференциальных признаков» [Сеничкина 2008: 6]. И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова пишут: «Под семантической редукцией зачастую понимается сокращение / уменьшение в данном случае негативной оценки или смысловой нагрузки эвфемизма по сравнению с его антецедентом (прямым переименованием)» [Солодилова, Соколова 2017: 76]. М.Л. Ковшова характеризует эвфемизм как «высказывание с двойной, с неопределённой семантикой» [Ковшова 2012: 362]. Мы не согласны с выделением данного признака как обязательного. Во-первых, эвфемизм может содержать больше дифференциальных сем в составе семемы. Особенно это касается эвфемизмов-терминов. Эвфемизм-термин имеет более полный набор признаков, чем употребительное слово. Ср.: *абсцесс* / *гнойник*, *асебия* / *святотатство*, *бигамия* / *двоежёнство*. Во-вторых, расчленённые номинации также могут более точно характеризовать денотат. Ср.: *будущая мать* / *беременная*. В-третьих, степень семантической неопределённости может оставаться той же, если эвфемизм обладает живой внутренней формой. Ср.: *афроамериканец* / *негр*, *баня* / *выговор*. Признак семантической неопределённости релевантен для эвфемизмов, не имеющих внутренней формы, эвфемизмов-купюр, эвфемизмов, выраженных местоимениями. На основе приведённых рассуждений считаем признак семантической неопределённости факультативным.

Третий признак – «улучшение характера денотата эвфемизма по сравнению с заменяемым словом или сочетанием» [Сеничкина 2008: 6]. Данный процесс можно назвать мелиоративизацией. На наш взгляд, данный признак также не является облигаторным. По нашим наблюдениям, об «улучшении» денотата также не всегда возможно говорить. Как и в предыдущих случаях, обратимся за примерами к словарю эвфемизмов Е.П. Сеничкиной. Ср.: *затруднительное положение / бамбуковое положение, безвозмездный / бесплатный, бомж / бездомный нищий*. Л.А. Сиринова отмечает: «Иногда из-за частого использования эвфемизмов последние принимают на себя роль синонима заменяемого слова и теряют смягчающую силу. В результате эвфемизм отождествляется с высказыванием, на которое наложено табу. Из этого следует, что статус эвфемизма не постоянен» [Сиринова 2017: 137].

На основании анализа эвфемизмов заключаем, что эвфемизмы не столько улучшают, сколько редуцируют негативный признак, причём степень редукции может быть разной, даже нулевой. В связи с этим данный признак мы также относим к факультативным.

К необлигаторным признакам Е.П. Сеничкина относит «признак специфичности аффиксов эвфемизма и признак косвенности номинации» [Сеничкина 2008: 7]. Действительно, как показал анализ способов формирования эвфемизмов, данные признаки являются необлигаторными, поскольку эвфемизм может быть выражен прямой, заимствованной и др. номинациями: *закуривать / начинать пьянствовать, замечаньице / замечание, инвазия / заражение глистами*.

Полагаем, что при описании эвфемизмов, как и других явлений языковой системы, продуктивен полевой подход, при котором в массиве единиц изучаемого объекта выделяется ядро и периферия. Единицы, включённые в ядро, демонстрируют все облигаторные признаки.

На основании анализа семантики эвфемизмов полагаем, что обязательным является единственный признак соотношения с значением, денотат которого имеет отрицательную сигнификативную или денотативную интерпретацию.

К факультативным признакам следует отнести:

- 1) интенцию эвфемизма улучшить интерпретацию денотата, в том числе за счёт редукции сигнификативных признаков;
- 2) наличие положительно маркированного оценочного, экспрессивного компонентов значения;
- 3) уменьшение интенсификации признаков явления;
- 4) повышение стилового регистра функционирования единицы.

Важно заметить, что все названные признаки имеют функциональный характер. Из этого следует вывод, что классификация эвфемизмов должна отражать функциональные аспекты.

На основании рассмотренных признаков эвфемизмов и с учётом их интенциональной специфики мы предлагаем выделять следующие виды данных единиц: собственно эвфемизмы, эвфемизмы-обереги, юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-аллюзии. Указанные виды формируют поле, в центре которого располагаются собственно эвфемизмы. Представим нашу модель полевой организации эвфемизмов на схеме (рис. 2).

Ранее мы уже давали определение эвфемизмам. Сформулируем дефиниции смежным явлениям, включённым в данное поле.

Эвфемизмы-аллюзии – единицы, коммуникативной интенцией которых является уход от прямого наименования социально порицаемого явления путём намёка.

Юмористические эвфемизмы – единицы, коммуникативной интенцией которых является создание комического эффекта.

Эвфемизмы-обереги – единицы, коммуникативной интенцией которых является замена нежелательного наименования на приемлемое в защитных целях.

Рис. 2

Полевая организация эвфемизмов

Юмористические Эвфемизмы	Собственно эвфемизмы	Эвфемизмы-аллюзии
	Эвфемизмы-обереги	

В центре поля располагаются единицы, демонстрирующие все признаки. Отразим релевантность выделенных ранее признаков эвфемизмов для указанных видов единиц в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Проявление признаков эвфемизмов

Признак	Собственно Эвфемизмы	Эвфемизмы-табу	Эвфемизмы-обереги	Юмористические эвфемизмы	Эвфемизмы-аллюзии
Не принимаемый обществом коррелят	+	+	+	+	+

Интенция улучшения	+	–	+	+	+
Наличие положительной оценочности и эмотивности	+	–	+	–	+
Уменьшение интенсивности нежелательного признака	+	–		+	+
Повышение стилового регистра	+	–		–	+

Как видим из таблицы, наиболее близки к ядру поля эвфемизмы-аллюзии, на периферии поля располагаются эвфемизмы-табу и эвфемизмы-обереги.

Предложенная нами типология эвфемизмов отражает их основные функциональные виды:

1) обеспечивающие речевую и культурную норму. Основное назначение эвфемизмов данной группы заключается в том, что они реализуют выражение смысла в соответствии с нормами приличия. Данную группу по результатам анализа нашей картотеки мы считаем самой многочисленной;

2) выполняющие юмористическую функцию. Основной интенцией данных единиц мы считаем выражение интенции рассмешить адресата: *вековые – менструация, второе сердце мужчины – о половом члене, демократка – резиновая дубинка*;

3) выполняющие функцию оберега. Основной интенцией данных эвфемизмов является защита участников коммуникации от чего-либо нехорошего.

Учёные предлагают различные способы определения эвфемизмов, отграничения их от смежных единиц. Е.П. Сеничкина использует следующий приём отграничения эвфемизмов от смежных единиц: «Нужно мысленно представить, что вы применили эту языковую единицу к собеседнику с более высоким социальным статусом. Если собеседник не возмутится, функция смягчения, улучшения денотата есть, это эвфемизм» [Сеничкина 2008: 21]. По нашему мнению, данный критерий имеет вероятностный характер, поскольку обусловлен индивидуальными качествами личности.

И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова предлагают использовать в качестве критерия различения эвфемизма от смежных единиц установление «сохранения истинности и информативности высказывания» [Солодилова, Соколова 2017: 76].

М.Л. Ковшова в качестве основного способа выявления эвфемизмов называет анализ контекста: «Главным при идентификации речевых, окказиональных и индивидуально-авторских, особенно в художественном тексте, эвфемизмов представляется контекст, который позволяет понять, какой речевой акт осуществляется говорящим и является ли этот акт смягчением речи» [Ковшова 2007: 144]. Этой же точки зрения придерживается В.П. Москвин, полагающий, что эвфемия имеет строго ситуативный характер [Москвин 2017: 23]. Представляется, что данный приём определения эвфемизма является наиболее верным и объективным. Безусловно, при установлении анализируемых единиц используется приём субституции, то есть замены на другое, нежелательное слово.

В данном исследовании мы трактуем эвфемизм как прежде всего прагматический феномен, призванный заменять коррелирующее наименование. М.Л. Ковшова отмечает: «По своему перлокутивному значению эвфемизм как речевой акт оказывает благоприятное воздействие на слушающего, создаёт эмоциональное сближение собеседников, обеспечивающее успех коммуникации в целом. В другой терминологии, эвфемизм – это коммуникативно настраивающая речевая тактика» [Ковшова 2007: 39]. Но при этом, заметим, что в большинстве употреблений эвфемизмы воспринимаются слушающими нейтрально, скорее, как обычное соблюдение культурной нормы, нежели как средство эмпатии. И.М. Кобозева вводит понятие прагматической функции лексемы, под которой понимает «...речевые действия, которые говорящий может осуществлять с её помощью» [Кобозева 2000: 90–91]. Эвфемизм выполняет нетривиальные функции, «...т.е. функции, не выводимые непосредственно из её лексического значения...» [Кобозева 2000: 91]. Рассматривая коммуникативную специфику эвфемизмов, И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова отмечают следующую особенность: «Очевидным является тот факт, что с точки зрения психологии человека применение эвфемизма является так называемой защитной реакцией на явления и предметы реальности, которые приходится адресанту «не по душе» [Солодилова, Соколова 2017: 76].

М.Л. Ковшова разработала прагматический сценарий употребления эвфемизма, используя язык семантических примитивов: «Я говорю эвфемизм / эвфемирую (смягчаю слова и выражения) = предполагая, что слова и выражения, которые я мог бы использовать для описания чего-либо, излишне прямолинейны; грубы; бестактны; предполагая, что употребление данных слов и выражений нарушает правила речевого этикета, так как их не принято произносить или они могут произвести неприятное впечатление на слушающего, вызвать у него эмоциональный дискомфорт, досаду, раздражение, культурный шок; предполагая, что тем самым коммуникация не будет успешной; не желая такого результата,

желая сделать так, чтобы этого не было,
я смягчаю слова и выражения с помощью эвфемизма» [Ковшова 2007: 37].

В целом соглашаясь с предложенным сценарием, мы хотели бы внести некоторые уточнения. Во-первых, говорящий в большинстве случаев не квалифицирует употребляемую единицу как эвфемизм или что-то другое. Во-вторых, говорящий не всегда отдаёт отчёт в том, что он смягчает речь. Учитывая эти соображения, наша трактовка сценария эвфемического речевого акта будет следующей.

Нечто (слово или ситуация) считается неприличным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто плохое, думая об этом.

Я не хочу себе или моему собеседнику чего-то плохого.

Я употребляю приличное слово, или я не говорю об этой ситуации прямо.

В предложенной ситуации мы постарались акцентировать то, что, во-первых, эвфемизм является культурным, общественно осознанным, прочитываемым фактом. Во-вторых, употребление эвфемизма отвечает принципу коммуникативной кооперации, направлено на гармонизацию отношений. Данный сценарий применим к собственно эвфемизмам, поэтому мы его считаем основным.

Заметим, что смежные с эвфемизмом явления имеют иные сценарии.

Для эвфемизмов-аллюзий сценарий будет иметь следующий вид.

Нечто (слово или ситуация) считается неприличным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто плохое, думая об этом.

Я не хочу себе или моему собеседнику чего-то плохого.

Я говорю о близких вещах, но не говорю об этой ситуации прямо.

Я рассчитываю, что мой собеседник понимает меня.

Коммуникативно-прагматический расчёт употребления эвфемизмов-аллюзий основан на тождестве фоновых знаний говорящего и собеседника.

Для юмористических эвфемизмов сценарий будет иметь следующий вид.

Нечто (слово или ситуация) считается неприличным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто хорошее, думая об этом.

Я хочу, чтобы мой собеседник тоже испытывал нечто хорошее.

Я употребляю слово или выражение, которые буквально не соотносятся с данной ситуацией.

Для эвфемизмов-оберегов сценарий имеет следующий вид.

Нечто (слово или ситуация) считается опасным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто плохое, думая об этом.

Я не хочу себе или моему собеседнику чего-то плохого.

Я употребляю другое слово, или я не говорю об этой ситуации прямо.

Возможны следующие классификации эвфемизмов:

- по происхождению – исконные и заимствованные. Эвфемизмы-заимствования: *адюльтер* – *супружеская неверность*, *презент* – *подношение*, *промискуитет* – *неверность*, *амбре* – *вонь*, *аутсайдер* – *неудачник*, *бастард* – *незаконнорождённый*, *бигамия* – *двоебрачие* и др. Обращение к заимствованию номинации связано с отсутствием у неё прозрачной внутренней формы, что блокирует порождение эмотивно-оценочных сем;
- по функциональному признаку: терминологические и общеупотребительные (*полиандрия* – *многомужие*, *полифагия* – *обжорство*). Эвфемизмы-термины – специальные наименования, которые выступают в роли смягчающего знака: *абсцесс* – *гнойник*, *агамия* – *безбрачие*, *алопеция* – *облысение*, *андрофобия* – *мужененавистничество*, *контус* – *половой акт*. Следует отметить, что смягчение значения в данном случае осуществляется за счёт, во-первых, ограниченной сферы функционирования специального наименования; во-вторых, не всегда ясной, затрудняющей понимание или вовсе отсутствующей внутренней формы единиц;
- по актуальности: актуальные и устаревшие (*ноферлакурничать* – *поволочиться*, *приапический* – *сладострастный*, *преставление* – *смерть*). Устаревшее слово может восприниматься как благозвучное, поскольку лингвокультурной общностью забыта прагматическая история слова: *перси* – *груди*;
- ещё один тип эвфемизмов мы определяем как дискурсивный, поскольку он генерируется определённым социальным институтом, что также в данном случае ограничивает сферу функционирования эвфемизма: *административная рента* – *взятка*, *алчная коса* – *смерть*, *вертикаль власти* – *система управления*. Сюда же мы относим эвфемизмы, образованные на базе литературных источников: *мошенники* – *дети лейтенанта Шмидта* (из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»), *клубничка* – *любовные похождения* (из поэмы «Мёртвые души» Н.В. Гоголя).

Существуют классификации эвфемизмов с точки зрения структуры и частеречной принадлежности. Например, Н.В. Юдина выделяет следующие структурные типы эвфемизмов: «1) эвфемизмы, представляющие собой одну лексему...; 2) эвфемизмы – сочетания слов: а) свободное сочетание слов с подчинительной связью: согласование...; б) фразеологически связанное сочетание слов...; в) терминологически связанное сочетание слов...; 3) эвфемизмы, представляющие собой полупредикативные конструкции...; 4) эвфемизмы, соотносимые с предложением.... [Юдина 2016: 609]. Однако, по мнению ряда

исследователей, например, В.П. Москвина, данные типологии не имеют значительной ценности при рассмотрении явления эвфемии.

В русистике предприняты попытки классификации эвфемизмов.

В.П. Москвин предлагает функционально-семантическую классификацию эвфемизмов, в которой он выделил эротические, маскирующие, этикетные, бытовые, пугающие, модальные (шутливые и иронические) эвфемизмы [Москвин 2017]. Полагаем, что недостатком данной классификации являются её разные основания: семантические и интенциональные.

По отношению к норме эвфемизмы можно разделить на соответствующие нормам культуры и нормам культуры речи. Так, собственно эвфемизмы и эвфемизмы-аллюзии в большей мере ориентированы на нормы культуры речи, а эвфемизмы-обереги – на нормы культуры, под которым мы, вслед за К.М. Хоруженко, понимаем «формирующиеся тысячелетиями и передающиеся из поколения в поколение образцы и правила поведения или действия, складывающиеся на уровне обыденного сознания общества» [Хоруженко 1997: 345].

Важной в когнитивном отношении является тематическая классификация эвфемизмов, отражающая семантические мишени, за которыми стоят нежелательные для лингвокультурного сознания понятийные категории.

Таким образом, эвфемия представляет собой сложное неоднородное явление, к описанию которого целесообразно подходить на основе принципа полевой организации. В центре поля находятся собственно эвфемизмы, которым присущи как облигаторный признак (замена нежелательного наименования), так и необлигаторные признаки (интенция улучшения, наличие в составе прагматического блока значения положительных оценочных и эмотивных сем, уменьшение интенсивности, повышение стилового регистра). На периферии поля располагаются эвфемизмы-аллюзии, юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-обереги. В семасиологии разработаны разнообразные классификации эвфемизмов, однако наиболее существенными для данного феномена являются те, в основе которых лежит коммуникативный, когнитивный и культурный аспекты.

Библиографический список

Доронкина Ю.В., Моисеев М.В. Лингвокультурный аспект формирования эвфемизмов в английском и русском языках // Молодёжь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 838–847.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Книжный дом: «Либроком», 2012. 456 с.

Москвин В.П. Эвфемизмы а лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД, 2017. 262 с.

Рустамова П.А. Некоторые размышления об эвфемизмах // Знание. 2017. № 12-2 (52). С. 98–103.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского. М.: Флинта-Наука, 2008. 464 с.

Сиринова Л.А. Способы выражения негативных эмоций: сниженная лексика, фразеологизмы, эвфемизмы // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 133–140.

Солодилова И.А., Соколова Т.Ю. Критерии идентификации эвфемизмов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11 (211). С. 73–78.

Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. 640 с.

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: толерантность vs. недосказанность (о функционировании эвфемизмов в современной дискурсивной практике) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 5. Казань, 2016. С. 608–612.